

Состояние Лу Хэна резко ухудшилось — это было ожидаемо, но всё равно застало врасплох.

Оставаться в больнице больше не имело смысла, и Чи Яньчжи забрал его домой. Этот небольшой домик с палисадником Чи Яньчжи купил сразу после того, как с Лу Хэном случилась беда. Денег тогда не хватало, но он не хотел снимать жилье, а цены на квартиры в центре были неподъемными, вот и пришлось перебраться в пригород.

Его мысли были просты: если семья Лу отказалась от Лу Хэна, то он, Чи Яньчжи, его заберет. Он не мог допустить, чтобы тот остался без крова.

После возвращения из больницы Чи Яньчжи несколько ночей боялся сомкнуть глаз. Лу Хэн перестал есть, его сознание затуманилось, и периоды ясности стали редкостью.

Накануне Дня пробуждения личинок Лу Хэн неожиданно пришел в себя. Впервые в жизни он назвал его братом:

— Янь-гэ, когда я умру, пожалуйста, живи счастливо. Найди себе хорошего альфу и будь с ним. Ты такой замечательный, ты точно больше не встретишь такого подонка, как я.

Чи Яньчжи молча смотрел на него некоторое время, а затем кивнул:

— Хорошо.

Лу Хэн доверчиво прижался к худой груди своего омеги, сжимая его холодные пальцы. Он хотел сказать что-то еще, но слова застряли в горле. Смешно вспомнить, но пока они состояли в браке, он не мог смотреть на Чи Яньчжи без раздражения. А теперь, когда он по-настоящему полюбил его, времени уже не осталось.

Слово любовь казалось таким простым, но произнести его было невозможно. Он не был достоин Чи Яньчжи и не хотел перед самой смертью оскорблять его такой подачкой.

Помолчав немного, Лу Хэн устало прикрыл глаза:

— Я посплю.

Больше он не проснулся.

Последние крупинцы аромата черного дерева, источаемые его феромонами, рассеялись в воздухе. Лу Хэн и представить не мог, что у человека есть душа, и уж тем более не думал, что душа может чувствовать боль после смерти.

Став прозрачным призраком, он смотрел, как Чи Яньчжи бережно поцеловал его в лоб:

— Спокойной ночи.

В комнате стало темно — Чи Яньчжи выключил свет. Лу Хэн видел, как тот сидел рядом с его телом, не шевелясь, до самого рассвета. В глазах омеги застыла мертвая тишина. Лу Хэн плакал, умоляя его отпустить, но Чи Яньчжи его не слышал.

Ближе к полудню Чи Яньчжи, словно лишившись души, поднялся и направился к выходу, но споткнулся о дверной порог. Лу Хэн подлетел к нему и пнул этот злосчастный порог, но, обернувшись, увидел лицо Чи Яньчжи, залитое слезами.

Чи Яньчжи зачерпнул воды во дворе, чтобы умыться, сделал шаг в сторону кухни, но внезапно замер — видимо, вспомнил, что человек в комнате уже никогда не проснется, чтобы съесть приготовленный им обед. Он так и стоял посреди двора, не зная, что делать дальше.

Лу Хэн никогда не видел своего дизайнера в таком жалком виде: волосы растрепаны, лицо бледное и испачкано пылью. Его сердце разрывалось от боли. Он кружил вокруг Чи Яньчжи, пытаясь стереть пыль с его щек, поправить сбившиеся пряди, но не мог коснуться своего омеги. Оставалось лишь бессильно наблюдать.

Бах! Грохот!

Оглушительный взрыв потряс воздух. Половина дома в одно мгновение превратилась в море огня. Чи Яньчжи, словно очнувшись от этого рокового звука, резко развернулся и, не раздумывая, бросился в спальню.

— Нет! Янь-гэ, не надо! — Лу Хэн в ужасе закричал, пытаясь остановить его, но рука снова и снова проходила сквозь тело Чи Яньчжи.

Дом примыкал к кухне небольшой закуской. Несколько газовых баллонов взорвались одновременно, и столбы пламени вместе с густым дымом взметнулись в небо. Люди в панике разбегались, отовсюду доносились крики и плач, и только эта одинокая фигура, не колеблясь, шагнула в самое пекло.

Среди треска горящих предметов и новых взрывов Лу Хэн увидел, как Чи Яньчжи обнял его мертвое тело.

— Уходи, Янь-гэ, уходи скорее! — прозрачный дух пытался вытянуть живого человека из огненного плена.

Чи Яньчжи не слышал. Одной рукой он прижимал к себе тело Лу Хэна, а другой сорвал с шеи цепочку. На ней висели два кольца. Чи Яньчжи надел одно себе, а затем дрожащими пальцами надел второе на палец Лу Хэна.

Лу Хэн замер, глядя на это кольцо. Слезы неудержимо хлынули из глаз. Одежда на спине Чи Яньчжи уже занялась пламенем, но он, казалось, не чувствовал невыносимого жара. Он

упрямо переплел свои пальцы с пальцами Лу Хэна и крепко их сжал.

От едкого дыма перехватывало дыхание. Чи Яньчжи, заходясь в кашле, прошептал:

— Ты согласен... кх-кх... взять в мужья господина Лу Хэна... кх-кх... в богатстве и бедности, в болезни и здравии, в радости и горе, кх... никогда не оставлять... кх-кх... и не предавать?

Лу Хэн почти физически ощущал запах горячей плоти. Его душа будто разрывалась на части, он чувствовал этот пожар, удушливый дым, раскаленную землю и Чи Яньчжи, который совершенно не обращал на всё это внимания.

Мир внезапно затих. Настолько, что он отчетливо услышал ответ:

— ...Я согласен.

Он исполнил эту клятву всей своей жизнью. В богатстве и бедности, в болезни и здравии — он действительно прошел этот путь вместе с Лу Хэном до самого конца.

— Раньше я не смел говорить, боялся, что ты не захочешь слушать, — Чи Яньчжи согнулся, прижимая тело к себе, и снова зашелся в кашле. В отсветах пламени его глаза казались одновременно умиротворенными и безумными. — Я не хотел развода, но ты был несчастлив, и я согласился, чтобы тебе было легче. В конце концов, я ведь тоже...

Он горько усмехнулся и не закончил фразу.

— Я боялся, что если другой мир существует, ты там не сможешь позаботиться о себе. Я буду волноваться. Так даже лучше, я пойду с тобой...

Огонь безжалостно поглощал Чи Яньчжи и его последние слова. Но Лу Хэн услышал всё.

Он сказал:

— Считаю это моим подарком на день рождения. Когда попадем в тот мир, пожалуйста, перестань меня ненавидеть.

Я не ненавижу тебя, А-Янь. Это я перед тобой виноват. Если бы я знал, что ты до сих пор думаешь, будто я тебя ненавижу, я бы повторял тебе о своей любви тысячи раз.

Высокая температура и дым постепенно отнимали у Чи Яньчжи дыхание, но он принял это со спокойствием.

— Ничего страшного, — Чи Яньчжи, казалось, больше не чувствовал боли. Говорят, перед смертью человек действительно ощущает легкость. Уголки его губ дрогнули в умиротворенной

улыбке. — Даже если ненавидишь — ничего. Я люблю тебя.

Пламя поглотило Чи Яньчжи вместе с его шепотом. Оно не щадило никого, равнодушно к отчаянному воплю прозрачной души, безжалостно охватывая хрупкое тело.

После очередного взрыва огонь взметнулся на несколько метров вверх, и две искренние, горячие души растворились в море пламени.

Вместе с воем пожарных сирен небо прорезал первый весенний гром. В этот день, в День пробуждения личинок, загремел гром, и всё живое начало просыпаться.

Чи Яньчжи, с днем рождения. И с днем смерти.

<http://bllate.org/book/20237/2016163>